

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

Сергей Луковенков (образовательная программа «Философия»)

Повседневная, политическая, экономическая и социальная деятельность человека пронизана надзорными отношениями, но что же такое «надзор»? Этим сложным термином описывается способ реализации дисциплинарной власти и контроля на всех уровнях социального – от семьи до государства – посредством различных практик и методов. Слежка, обустройство личного и публичного пространства, составление законов и норм

поведения, – это лишь некоторые механизмы, используемые для направления человеческого «потока» в нужном «русле». В историческом разрезе трудно, если возможно в принципе, обнаружить общество, элементы культуры которого были бы полностью лишены надзорного потенциала. Например, религиозные предписания и законы могут быть осмыслены в качестве основы самонадзора и возможного инструмента фильтрации и/или изоляции, а градостроительство – как создание пространства регуляции поведения населения. Как следствие, подобные плоды культурной деятельности людей можно рассматривать как инструментарий социального инженера, словно это государственный аппарат, патриарх семейства, руководитель отдела или капиталист. Вторая важная предпосылка статьи – утверждение, что на протяжении истории, пусть и не в абсолютных значениях и чаще в пассивной форме, нежели в активной, но монополия на реализацию дисциплинарно-надзорной деятельности принадлежала государству, правящему классу, религиозной власти и иным элементам, укладывающимся в понятие «социальных верхов», которые обеспечивали и обеспечивают возможность самого существования надзора как «взгляда сверху». Другими словами, «надзор – не есть нечто новое. С незапамятных времен люди «приглядывали» за

другими, чтобы проверять, что они задумали, следить за их успехами, организовывать и заботиться о них»¹.

Техническое усложнение методов надзора шло параллельно с процессами общего развития и усложнения технической культуры и роста населения, став в конце концов частью одной, но крайне важной и острой социально-философской темы, которая вполне может претендовать на первенство значимости среди проблем XXI века – отношения человека и техники, их взаимообития и влияния на жизнь общества и тех, кто «подключает» себя к информационно-цифровому дуближу реальности, вне зависимости от добровольности этого действия. Если попытаться выделить стержневую идею, источник динамики технологического преобразования надзора или некий телеологический принцип, то представляется разумным сформулировать это следующим образом: движение по направлению к постепенному сжатию «слепой зоны», недоступной надзирающему взгляду властного агента. Знаки различия, введение паспортов, антропометрия – все это этапы процессов сужения зоны приватного, делающих человека все более открытым и доступным для воздействия дисциплинарных механизмов, удобной и универсальной «деталью» в руках социальных инженеров.

Важной вехой в понимании необходимости, возможности права личности быть «невидимой», а не только защищенной от физического насилия и посягательств на частную собственность, стала публикация 1890 г. «Право на приватность» американских юристов Самюэля Варрена и Луи Брандея. Авторы этой знаковой для истории американской юридической мысли работы отстаивали требование закрепления приватности в легальном поле, что было естественным развитием законов о защите личности в свете «недавних изобретений и способов ведения бизнеса»², монетизирующих сокровенную жизнь человека. Как зачастую случается, постановка проблемы обусловлена не столько появлением «приватного» в конце XIX века, как нового и ранее не имеющего места феномена, сколько общественным пониманием нависшей над этим явлением опасности и неспособности текущих норм и институтов адекватно реагировать на вызовы и кризисы, связанные с появлением техники, обгоняющей культурное время.

Ощущение движения цивилизации к постепенной утрате приватности для обычных людей, то есть для рядовых граждан, работников и в целом для людей в подвластной позиции, нашло выражение в литературном жанре антиутопий. Для одного из поджанров

¹ Lyon D. *The Electronic Eye*. Hoboken: Wiley, 2013. P. 22.

² Warren S., Brandeis L. (1890) *The Right to Privacy*. *Harvard Law Review*, vol. 4, no. 5. P. 195.

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

антиутопического творчества характерны образы будущего цивилизации, где технологии позволили небольшой властной группе возыметь абсолютную власть над информационными потоками в обществе, то есть максимально сцепить, связать между собой власть и знание: монополию на насилие и исключительные права на создание и распространение информации. В классических работах – «Мы», «1984», «О дивный новый мир» и др. – с невероятной, и потому – почти пугающей точностью, оказались схвачены социокультурные сдвиги, явившиеся следствием массового проникновением коммуникационных технологий в жизнь простых людей. Неудивительно и то, что произведения, оформившие канон футуристических антиутопий, были написаны в XX столетии. И дело не только в опыте тоталитарного государства, попытавшегося неприкрыто подчинить тела и сознания, но и в понимании потенциала «мягкого» контроля общества и общественного сознания, скрывающегося в новых технологиях коммуникации, разрывающих социальные и географические барьеры. Разрушительный опыт идеологизации, помноженный на предполагаемый эффект стремительно развивающихся технологий, привел почти к невротическому ожиданию будущего, когда окажется реализован один из антиутопических сценариев – авторитарный режим или пораженный безграничным консьюмеризмом дивный новый мир.

На текущий момент, когда пишется эта статья, подобные сценарии, как кажется и как хочется верить, еще не стали элементом нашей повседневности. Можно предполагать, что высокие информационные и цифровые технологии еще не до такой степени интегрированы в жизнь и функционирование социума и личной жизни человека, что есть куда «расти»; но мне видится, что причина несколько в ином, а конкретнее – в «демократизации» надзора и инструментов контроля. Под «демократизацией» в этом случае понимается процесс, противоположный концентрации инструментов влияния и контроля информации в руках немногочисленных групп. Массовое распространение доступной цифровой техники, подключенной к единому информационному полю, до некоторой степени подорвало привычное распределение ролей, где возможность надзора и контроля коррелировала с иерархическим положением человека. Надзор обрел «текущее» измерение, перестав быть исключительно вертикальным явлением. Подручные девайсы, такие как смартфоны, ноутбуки, умные часы, видео-регистраторы, веб-камеры, оказались эффективными приспособлениями генерации информации, а популярные платформы и социальные сети стали своеобразными пунктами обработки, где различная информация может быть преобразована из сырого материала в капитал новых экономических отношений. Закономерно, что к широкому спектру терминов, призванных схватить *Zeitgeist* XXI столетия,

прибавились такие характерные словосочетания, как «капитализм платформ», «надзорный капитализм» и «общество наблюдения». Для нас – это еще не история, а живой процесс, разворачивающийся здесь и сейчас. Вспоминается время, когда мировая паутина воспринималась как место для развлечения молодежи или как место, где группы активистов могли что-то критиковать, что-то планировать и что-то политически заявлять, не представляя при этом реальной угрозы монополии власти на контроль за информацией или на надзор. Но оказалось, что цифровой мир – это место, которое не только сопротивляется традиционному паноптическому надзирателю, но и атакует его, срывает с него «мантию-невидимку», лишая сакрального статуса неопределенной анонимной силы, разлитой по телу общества, и потому – неизбежной. Например, на странице проекта WikiLeaks, где расположены внутренние документы Сайентологической церкви, выложено официальное письмо представителя Центра Религиозных Технологий, требующего удалить материалы, поскольку их публикация нарушает интеллектуальные права религиозной организации³. Как уже очевидно, ничего не было удалено. Показательность этой ситуации в том, что цифровое пространство, несмотря на возрастающую юридическую регуляцию, во многом остается неподвластным традиционным рычагам давления «сильных мира сего», ранее успешно использованных для контроля информационного поля. Схожее прслеживается в ситуации с блокировкой мессенджера Telegram в России. Сетевая реальность стала противовесом и инструментом сопротивления, что видно по использованию, к примеру, того же Telegram в гонконгских и белорусских протестных движениях не только в смысле удобного инструмента координации действий людей, но, что, возможно, еще более важно, и как альтернативного – буквально оппозиционного – канала, не дающего пропасть информации, которая при иных условиях не достигла бы общественности, не став топливом для активизма. Общество «прозрачности» оказалось противовесом «авторитаризму», но понимаемого не в качестве политической системы, а как монополии на производство информации.

Вместе с тем, всегда есть «но». Антиутопии, как негативные и нежелательные проекции возможного будущего, не ограничиваются картинами концентрации власти и знания в руках условно одного-единственного Большого Брата или Паноптикона. При всех преимуществах и благах, которые привнесли массовые цифровые технологии и статус интернет-пространства как силы, на которую приходится оглядываться, вызванные ими текущие и долгосрочные

³ Church of Scientology collected Operating Thetan documents
(https://wikileaks.org/wiki/Church_of_Scientology_collected_Operating_Thetan_documents) Просмотрено:
11.11.2020

проблемы не должны восприниматься как необходимое зло. А проблем этих очень много – одни более заметны, другие – менее. Кибербуллинг, stalking, деанонимизация, социально-опасный хакинг – это примеры негативных следствий «демократизации» надзора, которые часто взрывают медиасферу из-за громкости событий, продемонстрировавших реальный вред обществу, а не только возможный и не очевидный для многих людей. Можно привести множество примеров, когда травля в интернете заканчивалась самоубийствами; вспоминаются случаи парализации значимых структур (больниц, атомных станций, крупных производств) программами-вымогателями. Эти и другие проблемы напрямую связаны со стремительным сокращением дистанции между «Реальным» и «Виртуальным», однако не менее важными представляются тенденции, влияние которых только предстоит оценить.

Цифровая среда доказала свою эффективность в качестве противовеса власти не-цифрового мира, поставив под вопрос монополию на поставку «картины мира» и право на создание общественного консенсуса через вовлечение людей в данные процессы. Важным является именно массовая вовлеченность как категории количества, индивидов – наблюдателей и акторов – посредством информационно-цифровых медиаторов. Как следствие, Интернет стал синонимом места свободы слова и выражения. Впрочем, как показывает неутешительный опыт последних годов, Интернет-пространство уже далеко ушло от статуса «нейтральных вод» или «ничейных земель». Facebook, Youtube, Twitter, Vkontakte и другие платформы демонстрируют тенденции к концентрации власти над знанием и продвижением способов мышления на своей «территории». Иногда за этими стремлениями скрываются благие намерения, оправдывающие практику цензурирования потока информации: борьба с пропагандой терроризма, мошенничеством, посягательством на неприкосновенность частной жизни и др., но именно создаваемая морально-этическая неопределенность – это и есть свидетельство серьезности проблемы. «Fake news», «язык ненависти», «недостоверная информация» – эти и другие явления-инструменты требуют практически юридически точных формулировок, которые позволили бы и сохранять независимость сетевого мира, и обеспечивать безопасность пользователей в сети и за ее пределами. Основная задача сегодняшнего дня, относительно интернет-среды, для пользователей и производителей информационно-цифровой инфраструктуры состоит в попытке не дать этой виртуальной плоскости превратиться в архипелаг идеологически различных паноптиконов, где конкурентная борьба идей, живой диалог противоположных позиций и свободный поток информации не превратились бы в воспоминания о «золотом веке Интернета». Как замечает канадский исследователь и социолог Дэвид Лайон, «паноптические

принципы исторически служили для поддержки иерархии и классового разделения, как в домах и школах, так и на производствах и в тюрьмах»⁴. Один из результатов политизации или «паноптизации» информационных гигантов заключается в постепенной потере возможности коммуникации между разными группами, что в условиях практически отсутствующей дистанции между «Реальным» и «Виртуальным» способно приводить к вполне реальным конфликтам. Нечто подобное видно в противостояниях радикальных сторонников «Black Lives Matter» и радикальных консерваторов в США, где возможность мирной коммуникации стремится к нулю из-за отсутствия нейтральных мест для «переговоров». Так, сторонники «BLM» и других левоориентированных организаций в основном активны в Facebook и Twitter, тогда как представители праворадикальных позиций, чьи крупные ресурсы блокируются на популярных площадках, появляются в Telegram-каналах и аналогах крупных платформ. И эта ситуация довольно показательна для всей крупной медиасферы, а появление, пусть пока и относительно мелких, альтернатив медиа-гигантам демонстрирует, что возрастает спрос на «независимые» источники создания и потребления информации, будто мы выходим на новый виток цифровой истории, когда нынешнему интернет-пространству потребуются уже свой противовес в форме Интернета 2.0. Наблюдая подобные процессы, сложно не согласиться с выводами Шюсаны Зубофф о трансформации способа действия власти в условиях цифровой современности. Американская исследовательница пишет о целях инструментальной власти, как «вместо оружия и армий она реализует свою волю через автоматизированную среду все более распространенной вычислительной архитектуры «умных» сетей, вещей и пространств»⁵. Было бы несправедливо возлагать ответственность за проблемы «демократизации» технических средств надзора и коммуникации только на медиа-гигантов или власть, которая активно цифровизируется и превращает наши данные в свой капитал, создавая новые формы управления и подчинения, основанные на принципе соучастия, в котором системы и платформы «знают их (людей – С.Л.) лучше, чем они знают сами себя»⁶.

Летом 2020 г. в Южной Корее приобрел большую и печальную известность интернет-проект «Digital Prison», публиковавший данные (фотографии, настоящие имена, адреса, телефоны и электронные ящики) тех, кто подозревался в совершении преступлений, особенно – педофилии в Интернете. В статье издания «The Korea Times», посвященной этой теме, приводятся слова оператора сайта: их задачей является «наказание преступников тем, чего они

⁴ Lyon D., Bauman Z. Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. P. 13.

⁵ Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

⁶ Žižek S. The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019. P. 11.

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

опасаются больше всего – раскрытием их личности»⁷. И действительно, первое громкое появление «Digital Prison» в медиасфере связано с публикацией личных данных преступника-педофила, осужденного по резонансному делу. После этого события активность проекта стремительно набирала обороты, пока возможность использования и реализации информации не привели к жертвам среди людей, чьи данные оказались на сайте, хотя эти люди не были причастны к преступлениям. Так, самоубийство студента университета Сеула, попавшего под давление социума после обнародования его данных на сайте и обвинений в преступлениях, породило общественную дискуссию о моральной и правовой дозволенности подобного цифрового самосуда, практики «осуждай и обличай» и опасений, что подобные инструменты могут быть использованы для мести или вымогательства. Вскоре веб-сайт проекта был заблокирован на территории корейской республики, а в середине сентября перестал действовать в связи с арестом оператора. Можно было бы сказать, что это уникальный случай и ничего подобного в истории российского и всемирного Интернета не было и нет, но это бы не соответствовало реальному положению дел. Впрочем, негативные стороны цифровой культуры не должны внушать технологический пессимизм, поскольку рассеивание контроля за информацией, возможность контроля «снизу» и разрушение сакральности иерархии – это прекрасные и доказавшие свою полезность плоды «демократизации» надзора и слияния «Виртуального» и «Реального», которые отложили технологический апокалипсис, пусть и породив трудности, необходимые для преодоления нашей цивилизацией, чтобы еще раз отложить наступление антиутопических проектов.

Библиография

Lyon D. The Electronic Eye. Hoboken: Wiley, 2013.

Warren S., Brandeis L. (1890) The Right to Privacy. Harvard Law Review, vol. 4, no. 5, pp. 193-200.

Lyon D., Bauman Z. Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013.

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

Zizek S. The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019.

Сноски

1 *Lyon D.* The Electronic Eye. Hoboken: Wiley, 2013. P. 22.

2 *Warren S., Brandeis L.* (1890) The Right to Privacy. Harvard Law Review, vol. 4, no. 5. P. 195.

⁷ *Jung M-ho.* 'Digital Prison' reveals identities of child porn site operator and judges who released him. 19th of July (https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/251_292556.html). Просмотрено: 11.11.2020.

«Демократизация» надзора: Средство «от» и «для» антиутопий

3 Church of Scientology collected Operating Thetan documents
(https://wikileaks.org/wiki/Church_of_Scientology_collected_Operating_Thetan_documents)

Просмотрено: 11.11.2020.

4 *Lyon D., Bauman Z.* Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. P. 13.

5 *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism. Kindle Edition, 2019.

6 *Zizek S.* The Relevance of the Communist Manifesto. Hoboken: Wiley, 2019. P. 11.

7 *Jung M-ho.* 'Digital Prison' reveals identities of child porn site operator and judges who released him. 19th of July (https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/251_292556.html).

Просмотрено: 11.11.2020.